

„ГОЛЕМ“

В ТЕНИ „ГАДИБУКА“

ГАБИМА.

Трагедия успеха.

Не случайно так долго молчал театр „Габима“ после потрясающего успеха „Гадibuка“ и после смерти создателя этого спектакля—Е. Б. Вахтангова. Предельная, гармоническая законченность всей композиции сценической атмосферы этого спектакля отбрасывала от себя невольно гигантскую тень на все будущие создания „Габима“. После „Гадibuка“, и не имея Вахтангова, трудно было решиться на новую постановку, без риска скатиться хотя бы на одну ступень с той высоты театрального мастерства, на которую сразу вознес этот спектакль театр „Габима“. И все же этот шаг пришлось сделать. И теперь, после „Голема“, приходится сказать, что эти опасения

оправдались в полной мере. Да, тень „Гадibuка“ все еще лежит на „Габиме“. И не на путях „Голема“ находят-ся источники и способы ее преодоления.

Уход от Вахтангова.

Весь спектакль „Голема“, начиная с текста и кончая оформлением, резко противоположен „Гадibuку“ и, тем самым, Вахтангову. Никогда бы последний не согласился бы с таким безразличным, подчиненным, „объективным“ отношением к тексту Лейвика, как это сделал Вершилов, ставивший этот спектакль. Вероятнее всего, что он не одобрил бы вообще выбор этой ходульной, головной, аллегорической и декламирующей пьесы, так драматургически беспомощно воскрешающей средневековый еврейский миф о чело-

Марал-Прудкин.

веке, который магическими путями был сделан из глины, восстал против создавшего его человека и снова был обращен в ту же глину, из которой был сделан.

Дело не в этом. И „Гадibuк“ был дан Вахтангову как некая обязательная задача, которую нужно было сценически разрешить, вне зависимости от его отношения к самому ее тексту. И все же, вспомните, какой современностью звучал этот, также средневековый по теме, спектакль в руках покойного мастера, с какой остротой гротесковой характеристики были противопоставлены здесь богатые бедным, с какой зоркостью подлинного человека наших дней были здесь вскрыты корни мещанства и религиозного фанатизма.

Ничего подобного нет в „Големе“. Театр здесь идеологически ставит ряд давно уже решенных проблем и... уклоняется от их решения, а сценически возвращается к давно уже оставленному оформлению, состоящему из смеси противоположных принципов, начиная от павильона и кончая архитектурной пристройкой на фоне сукон. Идеология „Голема“, с его заключительным вопросом „кто же спасет народ“—грубая сила, индивидуальная борьба и вера или сам народ собственными усилиями должен освободить себя—для нас, сейчас, уже звучит по детски, наивно

Голем-Мескин.

спектакль в руках и смешно, а сценическое разрешение спектакля кажется случайным, устарелым и ошибочным. Вот почему этот спектакль так спокойно воспринимается даже врагами „Габимы“ и не волнует его друзей. Для первых он слишком примитивен, чтобы быть опасным, а для вторых он слишком сух, спокоен и гладок, чтобы быть современным.

Актеры.

И все же этот спектакль значителен и важен для самой „Габимы“. Эти годы молчания внешнего были, очевидно, годами внутренней актерской работы. Только этим можно объяснить тот взлет актерского мастерства, который был обнаружен на спектакле „Голема“. Начиная с центральных ролей и кончая массовыми сценами, на всем протяжении спектакля, лежит печать своеобразной, крепкой и уверенной в себе актерской культуры. Вот перед нами исполнитель ро-